

Так уж сложилась история России в XX в., что многие научные, в особенности гуманитарные концепции, оставались либо сокрытыми от массового российского читателя, либо доступными избранным, в основном специалистам-историкам, и не могли быть освоены в прежней, питавшейся догматами, системе гуманитарного образования. В последние десятилетия огромную часть своего культурного и научного наследия россиянам пришлось осваивать заново. Такая же участь постигла и евразийство. Поэтому считаем необходимым предпослать рубрике краткую справку из словаря русской культуры Ю. С. Степанова: «Евразийство – обширная научная концепция, как естественно-научная, так и гуманитарная. Смысл ее в том, чтобы понять Россию как явление геополитическое и как духовное, как территорию, соединяющую Европу и Азию именно в их стыке, в России, соединяющую землю, обширное и разнообразное население и культуры. Предшественниками евразийства, кроме уже упомянутого Д. И. Менделеева, стали **Константин Леонтьев, Николай Яковлевич Данилевский... Владимир Иванович Ламанский** (1833–1914), историк-славист. В полном и мощном виде эта доктрина была развита в 1920–1930 гг. плеядой замеча-

тельных ученых-историков, философов, филологов, эмигрировавших из России после большевистского переворота и обосновавшихся в славянской Европе, главным образом в Болгарии и Чехословакии. Первая книга по евразийству, написанная **Николаем Сергеевичем Трубецким** (1890–1938), «Европа и человечество», вышла в свет в Софии, в 1920 г. (Российско-болг. книжное изд-во); далее последовали – коллективный сборник «Исход к Востоку: предчувствия и свершения», 1921 [Там же, и другие работы (имеются переиздания). Активными деятелями евразийства были **Петр Николаевич Савицкий** (1895–1965), **Петр Петрович Сувчинский** (1892–1995), **Николай Николаевич Алексеев** (1879–1974), **Георгий Владимирович Вернадский** (1887–1973), историк, многие годы работавший в США; **Лев Платонович Карсавин** (1882–1952, уморен в концлагере в России) и многие другие» [Степанов, 2001. С. 213–214].

Евразийские идеи нашли новое обоснование в работах Л. Н. Гумилева.

Название рубрики «Евразийский практикум» продиктовано желанием обратить внимание читателя на ту часть гуманитарного наследия евразийства, которая остается абсолютно востребованной и в нашей сегодняшней жизни.

УДК 811.11

**И. В. Шапошникова**

### **МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ ИНОЯЗЫЧНОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ–ЕВРАЗИИ**

Цель данной статьи – поделиться с читателем размышлениями о приоритетных, по мнению автора, задачах иноязычного лингвистического образования в условиях «частично отреформированной» системы. Поскольку иноязычное лингвистическое образование является всего лишь частью общей системы гуманитарного образования в России, попробуем заняться осмыслением тех, к сожалению, в основном негативных тенденций, которые сложились в этой системе за последние десятилетия для того, чтобы определить, что же можно сделать в *нынешних условиях*, в чем можно увидеть свою *главную профессиональную задачу и наметить пути ее реализации*.

При всей неоспоримости некоторых позитивных достижений последних лет анализ наиболее разрушительных негативных тенденций, которые сложились в пореформенной системе образования, совершенно необходим, иначе мы будем обречены бродить по замкнутому кругу, все дальше и дальше отдаляясь от перспективы конструктивного выхода из кризиса. Многие из этих тенденций, вероятно, уже осознаны и во властных структурах, что, несомненно, прогрессивно для нашей российской действительности. Однако эти процессы нужно обсуждать и осмыслять. Уровень проблем таков, что они не могут быть решены усилиями только управленческих структур.

Конечно, автор данных строк понимает, что работники образования сегодня по-разному проживают пореформенную ситуацию. Кто-то вообще не видит никаких проблем и просто хочет, чтобы его оставили в покое, и это можно понять: люди сильно устали после потрясе-

ний 90-х гг. Кто-то болезненно воспринимает происходящее и страдает, не находя сил исправить ситуацию. Кто-то чувствует себя вполне комфортно, понимая, что в любой ситуации есть свои плюсы и минусы, а кто-то получает дивиденды. Но все мы живем и работаем в одной системе и, очевидно, нам нужно искать общий язык. Было бы абсурдно получить отреформированную систему гуманитарного образования, в создании которой не принимали участия сами гуманитарии. Поэтому давайте попробуем посмотреть на ситуацию, в которой мы находимся, как бы со стороны, насколько это возможно.

В состоянии неустойчивости среды любому нацеленному на деятельность человеку приходится ответить себе на вопрос: что я могу сделать? Зачем? На что нацелены мои усилия? Если я что-то произвожу, то что это и зачем? Надо «производить» то, что нужно моему народу. А что это? Наверное, для филолога-преподавателя, это, прежде всего, адекватное мировосприятие себя, своего народа, языка и культуры и адекватное восприятие чужой культуры и языка. *Значит, основная функция нашего «иностранного» образования – мировоззренческая. Исполнение этой функции в идеале ведет к пониманию законов взаимодействия языков и культур, этносов и эпох.* Есть еще прикладная функция, точнее конкретные прикладные задачи – обеспечение контактов с иностранцами и иноязычной культурной продукцией для определенного рода деятельности в различных общественно значимых сферах. Мы должны научить молодых людей эффективно решать эти задачи. Полагаем, что исполнение мировоззренческой функции – необходимое условие для качественной реализации прикладных задач.

Где искать почву для мировоззренческой работы, и что мешает сегодня ее выполнению? Эта почва появится только тогда, когда мы будем ставить перед собой *сущностные* задачи, отвечающие *сущностным* потребностям страны и нас самих. Это касается всей нашей деятельности, а не только политической культуры. Ведь что такое мировоззренческая работа? В сущности, *это создание мотивационных установок, формирующих на разных этапах обучения картину мира молодого человека, определяющих его поведение.* Кстати, постановка сущностных проблем всегда была в традициях сибирской науки. Она просто выросла из необходимости раскрыть потенциал сибирских территорий. Это и позволило сформироваться академической гуманитарной школе, много сделавшей для исследования и разработки единой культурной основы, объединяющей евразийские этносы. Постановка же и тем более *решение сущностных задач – процесс творческий по своей природе.* Препятствие на этом пути – негативная тенденция к отказу от творчества, наметившаяся в нашем обществе и проявившаяся особенно ярко во второй половине XX в.

Отказ от творчества произошел не сегодня. Он был заложен на рубеже прошлых веков, когда в революционном запале насильственным способом отказались от бога, примитивизировали и упростили традиционную систему ценностей, подавляя творческую основу народов – этничность в угоду опять же не сущностной задаче. Теперь приходится иметь дело с закономерным следствием этой тенденции – *отказом от активного духовного творчества на уровне устоявшегося стереотипа поведения.* Найти в себе волю к такого рода творчеству очень трудно нынешним поколениям россиян, прошедшим через несколько десятилетий, в течение которых сущностная деятельность подменялась формализованной псевдодеятельностью, в период распада прежней системы. В качестве психологической защиты срабатывала догма, а вера в идею (там, где она еще сохранялась) в тенётах догмата была лишена творческого начала. Такого рода «мировоззренческая база» была насквозь проникнута *неуважением к личности* (партноменклатуру, например, безошибочно можно было узнать по безапелляционным интонациям и обращению на «ты»). В эпоху галопирующих реформ, когда группа активных товарищей делила между собой ресурсы, продолжилась уже ничем неприкрытая демонстрация всеяческого *неуважения к личности народной*, масштабы явления по имеющимся на сегодня результатам впечатляют. Почему мы, сбрасывая путы старого режима, не смогли разрешить проблему соотношения интересов личности и общества? Вероятно, корень многих сегодняшних проблем в том, что мотивационные установки личности во вновь создавшейся системе противоречат интересам общества (личности народной). Мы опять в определенном смысле воспроизвели мировоззренческое «болото» эпохи застоя только теперь оно получило «рыночное» подкрепление. Когда жизнь ставит перед людьми задачу на уровне «не посрадим отечества своего», а система воспитания личности усваивает тенденцию «бери от жизни все», то имеющийся на сегодняшний день результат по типу «хотели как лучше, а вышло как всегда» еще даже не самое плохое, что могло бы быть при таком конфликте установок.

Поспешное проведение реформ, создающих ряд непреодолимых препятствий для нормальной жизнедеятельности, без должного учета природы, сущности и реального состояния нашего этноса, нашего хозяйства, во многом опиралось, как сегодня стало ясно, на тенденцию к «*подражательству*». Последняя в числе прочего ускорила разрушение разумной системы потребностей и привела к девальвации труда. В системе образования это, в частности, выразилось в стремлении формализовать всю деятельность, причем в качестве ориентира идеологи реформы выстраивали для нас заимствованные образцы. Достаточно вспомнить увесистые рекомендации по управлению качеством образования и превращению образования в «услугу» и даже «услугу на возмездной основе»!

Отказ от творческого самопознания характеризуется и *неумением расставить приоритеты, распорядиться уже имеющимися ресурсами*. Отсюда и неуважительное отношение к профессиональному сообществу, которое особенно явно начинает проявляться в игнорировании своей собственной профессиональной, научной, культурной традиции. Процессы эти, к сожалению, проходят большей частью неосознанно и пронизывают *все наше общество*, мы начинаем иногда понимать их разрушительную силу только тогда, когда приходится иметь дело с плачевными результатами. Наше *неумение предвидеть последствия* также свидетельствует об утрате энергетического потенциала системы. Приходится констатировать, что дальнейшее *бессмысленное реформаторство* особенно опасно, поскольку оно *поглощает остающуюся энергию системы, отвлекая ее от решения сущностных задач*.

Рассмотрим этот тезис подробнее на примере так называемого «управления качеством». Очевидно, здесь происходит подмена понятий, ставшая возможной в результате перевода образования в сферу «услуг». Качество в образовании – *сущностно-содержательная категория*, которая формируется естественным путем и лежит вне области *непосредственного административно-управленческого влияния*. *Качество передачи опыта новым поколениям и воспроизводства интеллектуального ресурса страны зависит в первую очередь от энергии и творческого потенциала этнической системы*. Да и процесс этот двусторонний (учитель–ученик). Управлять качеством как таковым напрямую невозможно. В более близком приближении становится ясно, что коллективы (в особенности новые и неопытные, а их у нас появилось много) и отдельные личности постепенно созревают до определенного «качества» интеллектуального труда, ускорить этот процесс простыми административными решениями невозможно. Однако в сфере непосредственного административно-управленческого влияния находятся *условия, при которых становится возможным созревание искомого качества, а через них и концентрация энергии общества на сущностной стороне этой проблемы*.

Из числа необходимых условий следует особо выделить *подлинно конкурентный отбор абитуриентов и экологию труда преподавателей*. Ни первое, ни второе условие сегодня, к сожалению, не соблюдается в удовлетворительной форме, отсюда и системное снижение и раньше-то далеко не всегда удовлетворяющего нас качества. Следует учесть, что в закрытом обществе и задачи перед системой образования ставились более узкие и расход энергии на их исполнение был несопоставим с тем, что требуется активно познающей динамической системе. Поэтому системное снижение качества было, с одной стороны, естественной реакцией на необходимость осваивать огромные информационные потоки извне, а с другой стороны, прямым следствием проведенной реформы, запустившей некоторые механизмы саморазрушения системы. Не может образовательная система, в которой, по словам президента, количество абитуриентов равно количеству студентов, сформировать повсеместно понастоящему пригодный контингент обучающихся. Не может преподаватель, работающий на износ, выдать приемлемое качество, да еще когда постоянно обновляются стандарты, потоком идут всяческие документы и инструкции из министерств как было в годы перестройки. Почти ничто в этих условиях не зависело от таланта и одаренности, творческой инициативы преподавателя. Он задавлен примитивной необходимостью материальных нужд. Всем известны превышающие разумные пределы учтенные и неучтенные нагрузки на душу работающего в российских вузах. Если прибавим сюда количество рабочих мест на душу преподавателя (а увеличение их количества стало жизненной необходимостью и на каждом месте стараются нагрузить по максимуму), то картина совсем безрадостная в плане стимуляции к творчеству.

Между тем *современные лингвисты-преподаватели* в основной массе своей (имеются в виду те, кто сделал выбор за годы перестройки в пользу России) овладели искусством учить хорошо отмотивированных студентов. Прошло время, когда студенты факультетов иностранных языков изучали в качестве «практики устной речи» материалы съездов КПСС. Однако и вновь создавшаяся система по-прежнему насыщает нашу жизнь такими условия-

ми, которые ориентируют нас не на постижение качества, а на формальную, выхолащивающую сущностно-содержательную основу деятельность. Ясно, что из-за низких зарплат и чрезмерной эксплуатации преподавательского труда мы имеем низкую его эффективность и для работника (уровень дохода при максимальной затрате труда), и для общества (качество). Таким образом, система пошла по пути *экстенсивного развития и самоликвидации своего кадрового резерва*. Одновременно в голодные 90-е гг. наши ориентированные на поиск счастья на Западе соотечественники финансировали иноязычное лингвистическое образование. Любая структура, худо-бедно обучавшая иностранному языку, была востребована. Рассчитывать на такого рода «самокупаемость» тактически можно, видимо, будет еще довольно долго, но стратегически это может обернуться, как со всей очевидностью высветили проблемы 90-х гг., катастрофическими убытками.

Опасна тенденция подмены конкуренции абитуриентов количеством их кошельков, что в ряде мест еще и может идти вразрез с потребностями региона в специалистах популярного (привлекательного кошельки) профиля. Вероятно, здесь речь нужно вести не только и не столько о взяточничестве как разрушающем стереотипе, но и о самом устройстве вновь созданной системы. Печальный опыт изгоя в своей стране есть у ребят, которые блестяще сдают вступительные экзамены, для того чтобы доказать себе и миру, чего они стоят на самом деле, прекрасно понимая, что учиться они не смогут, так как интересующая их специальность в достойном вузе попала в разряд платных услуг. Студенты также находятся в неравных условиях. У тех, кому приходится платить за обучение, иные психологические установки, своя специфика адаптации к суровой жизни, они пытаются выставлять такие требования, которые зачастую несовместимы с сущностными задачами любой образовательной деятельности. Само по себе платное образование, вероятно, не является такой уж бедой, но вот осмысление его в одном ряду с другими категориями «услуг» ведет к тому, что денежная сторона становится основной. Деньги притягивают деньги. Складывается впечатление, что финансовая сторона дела организована у нас так, что платное образование (вместе с ним и бюджетное, поскольку они взаимодействуют) поставлено в непосредственную зависимость от количества кошельков конкретных обучающихся. Ясно, что нужно искать эффективные и ответственные решения, но не в плоскости волевых мер по ликвидации и слиянию эффективно работающих коллективов.

Вдумаемся, цель экономики – обеспечить наши духовные потребности и рациональный быт. Человек хозяйствует для того, чтобы обеспечить духовные потребности. *Нельзя же цель жизни подчинять средствам*. В нынешней же системе созданы условия для подчинения цели средствам самым непосредственным образом. Воспроизводство качества в реформированной системе происходит там, где еще не до основания разрушена традиция и работают энтузиасты – во многих коллективах это старые и стареющие кадры, имеющие определенный «эталон» в головах и пытающиеся хоть в какой-то степени привести свои усилия в соответствие с этим образцом. Однако до полномасштабного запуска процессов саморазрушения уже один шаг, ведь разрыв поколений в среде профессионалов во многих коллективах уже произошел. *По целому ряду направлений* очень трудно найти по-настоящему готового к выполнению полной профессиональной работы специалиста, который смог бы просчитать хотя бы на несколько шагов вперед свои действия, оценить их реальную значимость, проявить самостоятельность и адекватно спланировать свою работу, *несмотря на все иностранные дипломы и сертификаты качества*.

Активное насаждение в головы молодых людей идеи карьерного роста, который никак не связывается с необходимостью иметь *реальное подкрепление своим амбициям*, можно также отнести к негативным тенденциям нашего времени. Отсюда и отсутствие мотивации выдать реальное качество, поскольку *качество есть стремление к подлинности*. Сама же вновь созданная система поощряет как раз отсутствие качества, а не кропотливую работу по его постижению. Но если человек и коллектив восходит к определенному качеству, то давайте вспомним, что подлинность не нуждается в подталкивании, в ускорении, как сейчас говорят – «раскручивании», в престижности, рейтинговости и прочих пенообразующих показателях, она либо есть и идет из *глубинной духовной потребности*, либо ее нет и на базаре (т. е. «рынке») не купишь, сколько ни разрабатывай рекомендаций сверху, сколько ни обсуждай на конференциях и семинарах. **Значит, и здесь нужны соответствующие задаче мотивационные установки.**

За идеей карьерного роста в вышеупомянутом смысле стоит начавшееся еще при коммунизме разрушение ценностного идеала, в основе которого карьера как органичное *следствие*, венчающее *реальные достижения* человека в своей профессиональной области. Карье-

ристы были и будут всегда, но зачем же возводить эту «шкурную» модель в поведенческий идеал?! Сразу появляется новый миф о менеджере как функции, отчужденной от предмета деятельности управляемого коллектива. И уже торговля предлагает нам массу литературы, обучающей технике манипуляции людьми, различным поведенческим трюкам, расширяющим влияние такого управленца, создается иллюзия возможности по-настоящему эффективно управлять сложными процессами в профессиональных, даже исследовательских коллективах без опоры на жизненный и профессиональный опыт. Таких чудо-менеджеров, дипломированных на управление чуть ли не с пеленок, сейчас уже много, не понятно только, где взять столько коллективов, чтобы удовлетворить эти искусственно спровоцированные амбиции, и где взять людей для работы в отраслях, связанных с жизнеобеспечением общества. *Так взаимодействуют в нашей системе количество и качество при утрате чувствительности к сущностным задачам самовоспроизводства.*

Разумеется, автор этих строк далека от мысли, что созданные в России академии и организации, занимающиеся проблемами качества, делают ненужную и пустую работу. Существует масса всяческих технологий повышения качества организации образовательного процесса. Несомненно, это очень важно, и здесь всегда есть что совершенствовать. Освоение самых полезных в нашей действительности технологий весьма уместно. Но в том-то и беда, что эти технологии, сколь бы передовыми они ни были, невозможно будет эффективно применить на практике, если мы не создадим главного – *мотивационных* условий, при которых искомое качество может возникнуть. А как же рыночный (и конкурентный) механизм, на который уповают наши экономисты? *При отсутствии глубинных мировоззренческих установок он будет поглощен системой как и все прочие механизмы, не только не купируя, но и даже, наоборот, подкрепляя псевдодеятельность (что мы и наблюдаем сейчас).* Качества в системе гуманитарного образования можно добиться, только ориентируясь на собственные ресурсы и потребности, а не на чьи-то «мировые» стандарты. *Иницицированное сверху насильственное внедрение самых замечательных «мировых» достижений еще и приведет к большим затратам энергии и сил на пустую работу, которая заставит создавать все более жесткие «полицейские» технологии контроля «качества», выжимая семь потов из студента и преподавателя с нулевым выходом по сути, но с дальнейшей дегуманизацией процесса обучения.* Ведь базовых условий не создано. Но если мы их почувствуем и сможем создать, не потребуется и административного давления, зато будут по-настоящему востребованы самые разные знания и новый опыт, обобщающий достижения разных технологий и нужно быть готовыми к такой ситуации. В преподавательской среде много по-настоящему любознательных и ищущих людей.

Что значит качественно утолить жажду молодого поколения в знаниях? Это значит, прежде всего, *воспроизвести свою науку и культуру* так, чтобы она сохранила свою *жизнестойкость*, так, чтобы не иссяк ее *творческий потенциал*, в противном случае только одно – наше исчезновение с лица земли как самостоятельной этнокультурной общности и распад системы до индивидуумов. А система воспроизводства подразумевает *системную* же работу не только по передаче знаний с механической фиксацией процесса в дипломах и прочих формализованных процедурах, но и работу по «добыванию» *по-настоящему необходимых знаний*. Известно, что при передаче знания происходит его редукция и упрощение, хотя бы потому, что необходимое условие его передачи – объективация и формализация когнитивных процессов. Уменьшить потери позволит *погруженность процесса передачи знаний в исследовательскую деятельность*. Такие системы создаются органично, а не по шаблону, поэтому очень важно научиться не вредить этому творческому процессу. Одной из таких макросистем в масштабах Сибири был Академгородок.

Академическая и вузовская науки имеют кардинальные различия и совместить их устремления отнюдь не так просто, как может показаться при упрощенном утилитарном подходе к делу. «Дать команду, и процесс пойдет» – не получится. Он может осуществиться только в естественно, органично соответствующих его природе условиях. А это значит, что нам необходимо учесть *специфику академической науки*. Ключевой фигурой здесь будет *ученый*, творец идей, который может не делать многих допущений, очевидных для того, кто непосредственно связан необходимостью объективировать идеальную систему знаний в удобную для передачи неопытному человеку форму. Ключевая фигура вузовской науки – *учитель* в самом приземленном смысле этого слова. Его исследовательская *задача* – *научить, передать то, что добыто и добыть новое*. Часто новое добывается в самом дискурсивном процессе обучения, через речевую деятельность и далеко не всегда фиксируется на бумаге. Ученый академического типа всегда будет лучше осведомлен о макросистемных процессах,

связанных с фундаментальной наукой и тем, что происходит вокруг нее. Вузovskyй же ученый обыкновенно, в силу специфики приоритетов его основной деятельности, лишен возможности столь же глубоко и широко охватить и сущностные фундаментальные категории, и огромный массив постоянно обновляющейся информации узкопрофессионального толка так, чтобы все это стало осознанной, продуманной системой его деятельности. Однако Академгородок как раз уникально сочетает в себе необходимые предпосылки для того, чтобы ученый академического типа был погружен в образовательный процесс, а вузовский исследователь имел дополнительные возможности погружения в «большую» науку. В современном «порезформенном» состоянии эти условия также подверглись разрушительному воздействию «невидимой руки» рынка (при фактическом отсутствии конструктивной альтернативы). Да и используем ли мы сейчас оставшиеся возможности сполна?

За годы перестройки и преподаватель и ученый были низведены до положения, когда они должны заниматься примитивным поиском средств к существованию, биологическому выживанию, сюда еще добавилась и необходимость искать средства на свою научную работу, причем нередко по заимствованным от Запада «технологиям», *при отсутствии западных возможностей*. Понятно, что для этого у многих просто не хватает ни времени, ни сил, да и целесообразности в этом зачастую нет: ведь в наших городах и вузах нет таких же по своим возможностям библиотек, как в США или Канаде, нет и полугодовых творческих отпусков у преподавателя (ну хотя бы раз в пять лет, чтобы можно было не для отписки, а реально сконцентрироваться на познавательной и научно-методической работе, создать полноценные учебники). О нагрузках мы уже вспоминали выше. Таким образом, в слиянии вузовской и академической науки у вновь созданной системы подлинного интереса (в смысле заложенного в ней мотивационного механизма и продуманной стратегии его реализации) пока нет. Сохраняется и огромный разрыв между тем объемом знаний, которые накоплены нашей академической наукой, и научно-содержательной основой вузовской работы. **Любой прорыв в новое качество в этих условиях дается ценой крайнего напряжения сил.**

Огромный информационный поток из-за рубежа в 90-е гг. сильно истощил силы нашего не знавшего прежде столь сильных информационных интервенций народа. Ведь этот поток нужно было усвоить, каким-то образом соотнести новую информацию с прежним опытом, в котором просто отсутствовали многие защитные механизмы. На специалистов, владеющих иностранными языками, и соответствующие вузы легла основная нагрузка. Так что можно сказать, что в значительной мере воздействие информационного потока из-за рубежа заметно стимулировало творческое восприятие россиян и на это ушло немало энергии. Однако ввиду снятия защитных барьеров из-за ослабления связи с самобытным культурным ядром в период догматического «коммунизма» наше восприятие, увы, зачастую оказывалось лишенным критичности (о чем говорят ставшие расхожими штампы: «во всем мире», с импликацией «в цивилизованной Европе и Америке» и «давайте и у нас сделаем то же самое, и у нас будет хорошо»). Но «во всем мире» думают по-разному. И «Запад» и «Америка» многолики. Их внутренняя жизнь отнюдь не сводима к глобализаторским установкам и пристрастиям политических элит. Вместе с тем перед нами стоит задача понять, что же именно из европейского (и не только европейского) опыта мы усвоили и как оно может выглядеть без ореола «всемирности, общемировой ценности», все конструктивное максимально обратить себе на пользу, избежав искуса подражательства. В монолитно воспринимаемом большинством из нас «всем мире», к счастью, есть многообразие, и оно касается сущностных вещей, мировоззренческих в первую очередь. Чему же учит нас этот опыт? Полагаем, что главный урок таков: *прикладные задачи обучения – святое дело, но если нет мировоззренческой основы, человек все время будет, как заблудившийся в лесу ребенок, озираться кругом в поисках проблеска света, соблазняться чужими, часто суррогатными ценностями, которые ему с легкостью подсунет пропаганда*. Вряд ли выросшие в такой системе представители «элиты» смогут задать импульс возрождению страны. Люди без идентичности становятся удобным материалом для внешнего употребления. Они не смогут и не захотят работать в интересах своего народа. Именно это мы чаще, чем следовало бы ожидать в нормальных условиях, наблюдаем сейчас. Такая «элита» постоянно ведется на какие-то чуждые потребностям ее народа установки и как результат спотыкается на каждом шагу: то какой-нибудь маяк для нее станет камнем преткновения, то вдруг флот или грузовик делить начнет с соседом, то опустится до фашизма, то свою трубу с чужой перепутает (что для «глобального» сознания, впрочем, совсем не удивительно). Симптомы болезни всегда одинаковы: неумение увидеть насущные проблемы своего народа или прямой мелкотщеславный уход от их решения. *Человек с расщепленной идентичностью (личностью) как поведенческий ориентир в итоге, –*

*семимильный шаг к духовному и интеллектуальному геноциду личности народной.* Ведь этот наш «воспитанник» потом вернется в нашу жизнь политиком, экономистом, юристом и круг замкнется.

Сегодня мы сталкиваемся еще с одной негативной тенденцией. Это *снижение когнитивных возможностей наших абитуриентов, а в дальнейшем студентов.* Отсутствие системного мышления в основной массе очевидно. Очевидна также и сложность в активации этого типа мышления. Вероятно, правы те, кто считает это результатом привития средствами массовой информации модульного, дробного типа восприятия информации. Возможно, поверхностность восприятия обусловлена для многих познанием мира в базисе через компьютер. Фрагментарное, модульное, основанное на случайных ассоциациях мышление вытесняет навыки системного, что приводит к неспособности увидеть объект в разных ракурсах рассмотрения, *неспособности критически осмысливать информацию и даже уже усвоенными фактическими данными распорядиться должным образом.* На выходе – в лучшем случае отсутствие связности, цельности в мыслях, дискурсе и текстах, созданных таким «мыслителем». Критическое восприятие в таких случаях сводится к инфантильному «нравится – не нравится». Предел творчества – ссылка на авторитет. Да и зачем размышлять, когда под рукой компьютер-систематизатор, найди ключевое слово – и все в порядке. Так формируется компилятивное мышление. К счастью, не все желающие обучаться таковы, но *упрощенное представление о сущности интеллектуальной деятельности уже стало, к сожалению, доминирующей тенденцией.* Это один из сильных барьеров на пути подлинной мировоззренческой работы. Его придется преодолевать. Одна из целей гуманитарного мировоззренчески ориентированного обучения в современных условиях в связи с этим – сформировать умения распознавать манипулятивные технологии, выработать иммунитет против них. Давайте задумаемся, ведь творцы СМИ-технологий – тоже выпускники наших российских учебных заведений, значит, что-то мы сами при их обучении делали не так.

Вопрос о том, куда направлять творческий духовный поиск, многие выпускники хотят решать в аспирантуре. Это замечательно, и очень хорошо, что в настоящее время у нас существенно расширились возможности для реализации таких желаний. Вопреки мнению скептиков полагаем, что эти возможности нужно сохранять. Но и здесь не хватает мировоззренческой основы. Запускающим деградацию механизмом в этой сфере является желание делать карьеру, а не работать на науку. Научная деятельность отождествляется в сознании многих с ее формализацией, т. е. написанием диссертации. Наука воспринимается как средство достижения карьерных целей, а не как творческая сущность жизнедеятельности. С одной стороны, можно согласиться с теми, кто считает это следствием демократического «исхода масс» в науку. Но в основе этого процесса все же *именно мировоззренческий кризис,* который начался еще до либеральных реформ. Ведь все наши гуманитарные диссертации, коих сейчас пишется не виданное ранее множество, это также часть процесса самоидентификации россиян, проявление *инстинкта к самопознанию, форма духовного поиска.* Мы привыкли искать спасения в науке. Это своего рода протест против духовного оскудения (впрочем, к сожалению, в чем-то и свидетельство такового), санкционированное заполнение духовного вакуума. Поэтому в этой сфере, как, впрочем, и во многих других, надо бороться не против, а за, чтобы создавать *конструктивный образ,* способный противостоять реальному уровню опасности от уничтожения образа науки и культуры вообще. Конечно, сразу же ничего изменить невозможно, но сегодня вопрос не в быстроте результата, корень проблем не в ужесточении формально-документальных процедур, а *в мотивационных установках,* в формировании нравственного отношения к науке и научной деятельности. При уважительном отношении к этому закономерному и законному поиску мы можем постепенно направлять его путем ориентации на *сущностно-содержательную сторону, создавая внутренние (т. е. мотивационные) установки для придания органичности этому процессу.* Это пойдет на пользу и личностному росту наших соискателей и нас самих. Занимаясь сущностными проблемами, молодой человек чувствует свою востребованность в обществе, свой вклад в личность народную. Если же поставим цель усердно искоренять «лженаучность», искореним как раз не то. Ведь никто на Земле не может претендовать на монопольную власть над истиной.

Итак, мировоззренческие и культурные установки, которые приводят людей к (научному) изучению иностранных языков, очень важны. Ведь специалисты по иностранным языкам могут существенно дополнять мировоззренческую работу отечественных русистов и других гуманитариев, ориентируя ее вовне. Есть и сугубо прагматический поиск, во многом навеянный современной когнитивной «парадигмой», и это тоже хорошо. Пусть мы будем раз-

ные. Это касается всех уровней. Единый на всю страну жесткий списочный ориентир, к примеру, вопросов для кандидатских экзаменов (да и чего угодно) даст нам только новую «болванизацию» и опять спустит всю энергию в формально-образовательную деятельность. *Вопрос духовного поиска молодых очень важен.* Противопоставить подражательным мотивационным установкам, направляющим духовный поиск еще незрелой личности за границу, сегодня можно только системную мировоззренческую работу. Выработка устойчивой мировоззренческой основы и в этой сфере поможет нам осознать и поддержать, а даст бог, в будущем и развить свою собственную лингвистическую и общепилологическую традицию, обогатив ее многообразным новым, «присвоенным» через внутреннюю творческую переработку опытом.

Таким образом, разрушительная установка на слепое копирование чужого опыта ярко проявилась в отказе от собственного творчества, от сверхусилий по модернизации системы *под свои сущностные потребности* в ходе реформирования образования всех уровней, причем процесс этот во многом проходил неосознанно. Почему-то скоростно решили, что усредненная западноевропейская модель самая лучшая в мире и тут же появилась иллюзия, что ее масштабное внедрение в России сразу решит все проблемы. Здесь в который раз мы ощутили на себе разрушительное влияние идеологии европоцентризма (вестернизации), о котором нас предупреждал великий лингвист и культуролог Н. С. Трубецкой, но не был услышан ни в конце, ни в начале прошлого века, когда еще не было германского фашизма, Хиросимы, Югославии, Ирака и прочих катаклизмов, казалось бы, давших нам нынешним огромный исторический опыт для коррекции своих моделей поведения и адаптации к новым реалиям. Поэтому нелишне будет опять поразмышлять о последствиях насаждения (чаще добровольного следования) идеологии европоцентризма (вестернизации) применительно к нашему контексту.

«Подпадающие под влияние этой идеологии сопредельные культуры заболевают комплексом неполноценности и ставят себе ложную задачу “догнать” Запад. Для этого оказывается необходимым, чтобы “отсталые” народы создавали у себя слой “сто процентных” европейцев, что приводит к чрезмерному растягиванию социальной структуры и к созданию дополнительных напряжений. В стремлении догнать Запад “отсталые” народы по необходимости ставят себе внешние и узкие цели, по достижении которых обнаруживается еще большее отставание в других областях. Развитие идет рывками, нарушается естественный для данного народа ритм развития, что приводит в конечном итоге к истощению энергии народа. Кроме того, западническая установка способствует формированию позитивистского мировоззрения, привычки обращать внимание на внешние достижения цивилизации, а не на приводящие к этим достижениям внутренние творческие процессы. Это приводит к недооценке творчества и к болезни подражательства. И результат всего этого – деградация культуры» [Соболев, 2000. С. 82–83].

Самое главное, невзирая на опыт последних десятилетий, этот процесс продолжается еще и сейчас. Вот с экранов телевизора мы слышим настойчивые рекламные призывы: «Стань настоящим европейцем!» Зачем же непременно европейцем, коли мы родились и жили все время в Азии? Подумали бы, как нам, живущим в Сибири, Якутии, Бурятии, на Дальнем Востоке, все это понимать? Глупо было бы тигру с его возможностями усваивать заячьи повадки или зайцу изображать из себя хищника, не имея хищнических атрибутов. Почему-то мы непременно хотим перешагнуть через объективные природные закономерности. Зачем? Зачем же осуществлять столь необходимую в современном жестком мире модернизацию своего хозяйства именно по западным политическим «технологиям», подавляя свою собственную этничность в стране, буквально сотканной из мозаичных этнических образов. Исходя из этого, и система образования должна «модернизироваться» под *сущностные потребности своего общества*. Ни в коем случае нельзя быть высокомерным иностранцем по отношению к своему народу, превращая его в слепой и глухой объект для манипуляций. Но именно так и склонен действовать наш доморощенный «сто процентный европеец или американец», когда он получает властные полномочия. Коммунистическая идеология угнездилась в умах российской «элиты» прошлого века именно через те же самые «глобализаторские» установки на европеизацию. Правда, у коммунистов было одно большое преимущество. Они хоть и звали народ «догнать и перегнать Америку», но не требовали от нас стать американцами или европейцами. Неимоверная жажда перенести «блага» европейской и американской (с претензией на глобальную) цивилизации в Россию может обернуться утратой самой России. А ведь речь идет о нашей родной, кровной среде обитания. Даже для тех, кто принял решение уехать за границу, Россия – тыл. Как там сложится все на чужбине, богу

одному известно. Или мы надеемся, что Россия будет всегда? Без наших усилий ничего не будет. Здесь надо заметить, что есть еще один негативный аспект наметившейся тенденции к вестернизации, – она сужает наше сознание и нарушает способность адекватно воспринимать те позитивные импульсы, которые мы можем получить от других, не западных культур.

Давайте обратимся к собственному научно-философскому наследию, дающему ответы на многие, вставшие перед нами сегодня вопросы. В российской научно-философской мысли в результате потрясений последних веков выкристаллизовалось понимание того, что этнокультурная традиция призвана регулировать отношения этнической системы с внешней средой. А происходит это через ценностные установки, меняющиеся в разные периоды жизни этноса и поэтому по-разному формирующие типичные для каждой эпохи стереотипы поведения в процессе адаптации к изменяющейся внешней среде. Изменить господствующие стереотипы поведения даже в динамической молодой системе непросто, это всегда было делом особо активных и энергичных людей. *Вопрос о векторе направленности их усилий – это вопрос жизнеспособности системы.* Но это как раз то, что находится в сфере влияния гуманитарного образования, поскольку оно создает культурные мотивационные установки через свой собственный, недоступный другим отраслям арсенал средств. Конечно, «оседлать» этническую стихию (которая может разрушить любую «обветшавшую» культуру) невозможно. Но давайте прислушаемся к аргументам этнолога: «Управлять землетрясениями или путями циклонов люди не умеют, но сейсмография и метеорология помогают спастись от стихийных бедствий и, наоборот, использовать благоприятные условия с наибольшим эффектом. Ведь не все равно при цунами, предотвратить которого мы не можем, уйти на ближнюю гору или дать океанской волне смыть себя на дно. Ради собственного спасения необходимо изучать вулканическую деятельность, такую же стихийную, как этногенез» [Гумилев, 1993. С. 13]. Думается, что и отделить «ветошь» культуры от ее жизнеутверждающей основы также по силам гуманитариям, если они тут же не станут подменять собственную культурную ветошь чужой.

Есть закономерности бытования культуры, которые известны нашей гуманитарной науке и находят подтверждение в самой нашей жизни последних десятилетий. Так, говоря об этнической основе нашей культуры, Н. С. Трубецкой выделял в ней две части, которые он условно назвал верхом и низом здания культуры. Низы здания культуры – это «тот запас культурных ценностей, которым удовлетворяют свои потребности наиболее широкие слои национального целого, так называемые «народные массы». Поскольку эти ценности создаются в самой среде народных масс, они сравнительно элементарны и не носят на себе резкого отпечатка индивидуального творчества. Когда же некоторые из них проникают в низы «из верхов», они в силу самой этой миграции неизбежно слегка обезличиваются и упрощаются, приспособляясь к общему контексту других ценностей исключительно «нижнего» происхождения. <...> В нормальной культуре между верхом и низом всегда существует известный обмен и взаимодействие» [Трубецкой, 1991. С. 87].

Что же происходит в культуре заимствующей чужие ценности? «Если заимствованные ценности не противоречат общему психическому облику данного национального целого и при усвоении органически перерабатываются, то в силу естественного внутреннего взаимодействия между культурными верхами и низами устанавливается известная равнодействующая. Но такой равнодействующей может и не установиться, в каком-то случае между верхами и низами образуется культурный разрыв и национальное единство нарушается. Это всегда свидетельствует о том, что источник иноземного влияния слишком чужд данной национальной психике» [Там же. С. 88]. Именно к такому разрыву мы и подошли, поскольку наши верхи (а началось это задолго до 90-х гг.) опять захотели невозможного. Законы этнокультурного взаимодействия не позволяют верхам, как бы они этого ни желали, приобщить народ к чужой культуре, поскольку чужое культурное ядро без антропологического смешения массами (низами) усвоено быть не может. Усваивается же всегда редуцированная, упрощенная маргинальная субкультура (во всех типах отношений – в политике, экономике, быту и т. д.), которая разрушительна для самих ее создателей, уж не говоря о «заимствователях». Именно эту субкультуру и наблюдали мы в последние десятилетия в наших СМИ. Замечательно, что есть телевизионные передачи, в которых идет речь о деяниях великих, добрых и вечных, о трагических и героических страницах собственной истории. Но вот шумно и нахраписто в этот исполненный трагическим пафосом дискурс вплетается реклама и сводит на нет все усилия. О чем вещаем? О великом, добром и вечном или о помаде, пиве и «тачке» в сексуальной упаковке? В том-то и беда, что в шкале ценностей новорожденной субкультуры это сущности одного порядка. *А ведь культура проживается и передается в*

*образах.* Даже к зрелому человеку логика приходит потом, сначала воспринимается образ. В современном технически оснащенном мире через СМИ ускоряется наступление разрыва культурных слоев, а в итоге – деградация и гибель культуры. Любое экономическое или какое-либо иное оправдание такого рода деятельности недопустимо. Но ведь создатели этой субкультуры в псевдорусском исполнении тоже обучались в наших вузах! Какие же мотивационные установки они получили от нас?

Замечательно, когда власти хотят укрепить связи регионов с центром. В этой практике может возникнуть необходимость смягчения последствий уже сложившихся негативных тенденций культурного дисбаланса, тем более что в регионах они гораздо серьезнее, чем в центре. Здесь зачастую надо уже не реформировать, а спасать! Почему бы нам в этом случае не последовать совету Н. С. Трубецкого: «Отличие верхов от низов должно определяться не тяготением к двум различным этнографическим зонам, а степенью культурной разработки и детализации элементов единой культуры. Русская культура в смысле завершения культурного здания должна вырастать органически из основания русской стихии» [Трубецкой, 1991. С. 98]. *Культурная разработка и детализация элементов единой для нашей страны культурной основы* – это также задача мировоззренческой гуманитарной работы. Уже сегодня ясно, что без серьезной мировоззренческой работы при создании механизма управляемости страной есть *опасность скатиться в полицейское государство.* Легко себе вообразить, что за систему образования мы тогда получим.

Все упомянутые выше негативные тенденции, на наш взгляд, свидетельствуют о том, что в обществе *нарушается чувствительность к деградационным явлениям,* наступает адаптивность к тем механизмам, которые за ними стоят. Находятся всяческие психологические лазейки и оправдания, наступает «приятие» саморазрушительных поведенческих стереотипов. Все это доступно изучению. Наверное, и *здесь поле приложения сил для современных гуманитариев.* Мы уверены, что наша современная гуманитарная наука может сформировать у молодого поколения полноценное мироощущение. Такая мировоззренческая основа у нашей науки есть, есть и ее носители, те, кто воплощает ее своими работами и жизнью. В лингвистике *одним из таких ученых,* сохранивших и преумноживших методологическую основу своей науки, был наш земляк Г. П. Мельников. Его (и не только его) работы приводят нас к мысли о том, что именно через подлинно *творческий синтез информации* и утверждение позитива может наука взойти к своему качеству, постичь себя и свою задачу.

Изучать деградационные процессы нужно, с тем чтобы можно было предпринимать адекватные действия и в образовательной системе, а не «спекулировать на понижение» (См. об этом выражении: [Соболев, 2000]), повторяя заблуждения прошлого. Еще в начале прошлого века в России задавались теми же по сути мировоззренческими вопросами, которые мы пытаемся решить сейчас. С подачи Н. С. Трубецкого был найден и ответ, рождены *жизнеутверждающие евразийские идеи, составлявшие основу культуuroцентричного целостного мировоззрения.* Многие из того, что было рождено тогда, может дать нам ощущение почвы под ногами теперь, при условии *творческой переработки применительно к современным нашим суцностным потребностям.* Однако, это культурно-философское наследие (хотя, например, работы Н. С. Трубецкого об основах нашего этнического самосознания переиздавались уже и в 90-е гг. (см. Список литературы) не получает должного позитивно-творческого осмысления в широких образовательных кругах и остается вне самого образовательного процесса (как, впрочем, и многое другое из утраченного Россией в прошлом веке духовного наследия). Почему? Идеино-теоретическое наследие таких творческих личностей, как Н. С. Трубецкой и Л. Н. Гумилев, не осваивается на уровне чистого рации, на уровне профессиональной функции лингвиста, историка, социолога, психолога и т. п. Тем более недоступно оно компилятивному мышлению. Здесь нужен синтез различных ментальных функций. *Эти идеи бытуют и воплощаются независимо от нашего отношения к ним.* Изложение их как совокупности фактов непременно редуцирует самую их суть. И хотя авторы их, как и все люди, могли в чем-то ошибаться, эти идеи несут в себе нечто большее, чем просто теории и научные парадигмы, они скорее методы жизни, сама эта жизнь, они нацелены на познание природной стихии жизненного творчества. И само их усвоение – процесс нелегкий, так как требует проживания стихии внутри себя. *Ведь это новый для прошлого века тип синтезирующего знания<sup>1</sup>.* Оно осваивается личностью и на уровне личности, бытует в

<sup>1</sup> Синтезирующий тип знания здесь понимается не в смысле корпускулярно-скрупулезной эклектичности, соединяющей всё и вся в нежизнеспособные образы-фантомы. Синтезирующий тип знания

образе личности и воплощается в модели поведения, задавая тональность окружающей среде. Это идеи-силы, опираясь на которые активная личность может выработать свою собственную модель поведения, соразмерно своему творческому началу, применительно к стихии жизни народной, в которую эта личность погружена. Но ведь это неплохой ориентир для гуманитарной работы, дающий установочные параметры самому преподавателю. Гораздо проще идти спокойно по своей дороге, чем все время метаться в поисках призрака чужих концептов. Ведь ситуация очень серьезная.

Прислушаемся к историку: «Не превратится ли со временем вся русская земля – эта мировая лесотундра – в полигон вахтового освоения ресурсов, в мировую помойку промышленных отходов и резервацию для социальных отбросов и паразитов-авантюристов? Сегодня такая перспектива устрашающе реальна. Однажды уже был найден религиозно-культурный ответ на географический и геополитический вызов (если использовать терминологию А. Тойнби) и в неблагоприятных географических условиях были созданы могучее государство и своеобразная восточно-христианская цивилизация. Но хватит ли энергии и вдохновения на повторение этого подвига?..

Обладает ли русская культура достаточным воспитывающим потенциалом, чтобы осуществить творческий прорыв и обеспечить включение России в мировое хозяйство как поставщика наукоемкой и культуроемкой продукции, а не как сырьевого придатка – вот важнейший и животрепещущий вопрос, в поисках ответа на который нам необходимо будет обратиться к нашим предшественникам» [Соболев, 2000].

Иными словами, речь идет о том, *возможно ли этнокультурное возрождение России и что мы как гуманитарии можем и обязаны сделать для этого*. Цена вопроса высока и меры должны быть адекватными.

Поскольку многим из нас мила западноевропейская модель, посмотрим, что делали в аналогичной ситуации некоторые настоящие европейцы, те, кого действительно можно назвать европейцами, создававшими в свое время англосаксонскую разновидность западноевропейской культуры. Иначе говоря, как действует человек в органичной своей природной сути.

Обратимся к событиям второй половины IX в. в Англии и понаблюдаем с помощью свидетельств очевидцев за знаковой для этнической истории англичан фигурой, королем Альфредом, прозванным, как известно, Великим. Из-за распрей и смут англосаксонские княжества подверглись разрушениям от массированных набегов морских разбойников, викингов, далеких предков современных датчан. Итог – монастырские центры молодой христианской культуры на севере Англии в руинах, все англосаксонские княжества покорены. Кругом царит запустение, разруха и грабежи. Неудачное сражение на территории Уэссекса – и вот уже и королю Альфреду остается участь беглеца у себя на родине в болотах Сомерсета. Ситуация требовала творческих нестандартных решений, и Альфред их нашел. Поскольку он не лгал и не изворачивался до того, двойных стандартов не имел, то быстро нашел общий язык со своим народом. При его поддержке построил укрепления на земле, понимая, что враг не умеет также эффективно сражаться на суше, как в своей стихии – на море. Освоил тактику выманивания врага на сушу. Построил первый английский флот по собственным чертежам, хотя недостатка в том, откуда скопировать, не было. Да такие построил корабли, которые превосходили викингские и по размеру, и по маневренности, и стал бить врага на море. И так хорошо воевал, что врага победил да еще в свою христианскую веру обратил. И договор заключил с их королем Гутрумом, в котором крестнику обрисовывались границы его поселений на англских территориях, вдоль Уотлингстрит, дороги, дававшей в наследство от римлян. К северо-востоку от нее – область датского права, а на юго-западе – свое англосаксонское управление. А если и нарушит какой датский разбойник тот договор, так и

---

в нашем понимании достигим скорее через квантовую волну (по Вернону Вульффу), способную нести в себе потенциальный набор дискретных возможностей для творчески осмысляющего динамику жизни разума (во всех его ипостасях). Энергетический прорыв возможен при осознании разумом через его когнитивное творчество тех потенциально дискретных возможностей (*offer wave*), которые несет с собой эта волна в ситуации текущего выбора. Ближе всего к евразийскому пониманию соединения творческого начала личности человека и личности народной, нам думается, созданная Верноном Вульффом топологическая модель сознания, используемая холодинамикой для практических целей активизации творческого потенциала личности и соответствующей коррекции поведенческих мотивационных установок. На выходе – проекция синтеза ментальных функций в окружающий миропорядок.

ответные меры принимались незамедлительно. Воевал Альфред сам и умел воспитывать свое семейство, чтоб от государственных дел не отлынивали. Любимому внуку Ательстану свой меч подарил, а тот потом, став королем, с этим мечом не раз доблестно сражался, укрепляя успехи отца своего, Эдуарда, и сестры его, Этельфлед, отвоевавших назад у датчан область датского права.

Перечитывая тексты, написанные самим Альфредом, и сохранившиеся описания исторических событий того времени, не перестаешь удивляться как умно распорядился своей властью король. Монету чеканить стали одну на англосаксонские и датские владения, управленческие структуры были едиными, даром что назывались по-разному в разных областях, и главное – структуры-то эти были эффективно организованы, под насущные потребности, а не ради подражательства кому бы то ни было. И казалось бы, можно остановиться и насладиться победой и повкушать материальных благ, да, видимо, не о них душа болела у великого короля. Стал он вдруг самопознанием себя и своего народа заниматься, ученых людей из всех княжеств зазывать. И в сорок-то лет, не отходя от ратных дел, выучил латынь: ученые книги тогда на латыни писались. И уже попробовал свои силы в переводах и даже «школу» переводчиков основал да лично организовал системность в их работе на мировоззренческой основе – познание самих себя, откуда есть «пошли», что имеют, что умеют, что могут. Вот уже и полемическая книга появилась о влиянии христианства на судьбы великих держав и народов «Истории против язычников», а в ней королевские вставки, компенсирующие незнание автором (испанским монахом Орозием) истории северных территорий – прародины германцев. Откуда информация? Из первых уст от путешественников, чьи сведения тщательно записывались и осмыслялись. И руководство для пастырей духовных самолично переводил, где подробно напомнил этим мужам об их истинных обязанностях, а то было уже в этой разрухе и забывать стали. Вот и философский трактат «Утешение философией» Бозция для утонченных размышлений. А еще повелел «Англосаксонскую хронику» основать да фиксировать в ней события каждого года в Англии с самого ее появления на арене мировой истории. А познав свои корни, стал всячески народ свой учить да чувство своей самобытности, «английскости» культивировать и пестовать, используя все мировоззренчески организованное им *на родном языке* наследие. И никаких СМИ, никаких манипуляций, заигрываний с врагом, политехнологий и прочей пены. *Только личный пример, настойчивое, последовательное, честное решение сущностных задач в единстве слова и дела.*

Но пройдет 100 лет – и появится новый стереотип элитарного поведения, пойдут заложники, позорные в истории Англии датские деньги, с каждым годом растущие суммы подкупа разбойников-викингов. Те же англичане станут почти, как мы сейчас, – «хотели как лучше, а вышло как всегда». И короли-то у них сражаться разучились, и доверить-то дело некому – кругом одни предатели да мздоимцы. Некого олдермена Эльфрика с войском против викингов сражаться послали, так сделал вид, что его тошнит, и так, видимо, ему сражаться не хотелось, что аж вырвало его перед намеченным боем на виду у всей армии. А вся армия беспомощно взирала на эту беду национального масштаба, здесь уж не до сражения, так и рассеялись на виду у врага. Несмотря на все это, именно сотворенная Альфредом и его последователями традиция спасла Англию и английский язык. Только инерция традиции дала англичанам почву после Нормандского завоевания для ассимиляции нормандцев и превращения их в англичан. А как это творчество по созиданию самих себя и своей культуры отразилось на английском языке и помогло его сохранить! Так хорошо помогло, что мы теперь у себя в России очень дельные и умные конференции проводим, но почему-то русский в рабочих языках частенько не значит. Альфред, выражаясь в терминах персоналистической гносеологии<sup>2</sup>, стал *личностью-камертоном* для своего народа. Всем своим обликом, всеми своими действиями он создал образ, который говорил своему народу: «Делай как я!». Вдумаемся, какой за этим стоял посыл? «У тебя есть возможности, познай свои возможности и ресурсы, воспользуйся принадлежащей тебе по праву свободой творчески применить их на наши общие потребности, и мы выберемся. Сделай усилие, я, твой лидер, сделаю сверхусилие, и мы устоим!» Вот так и «родились» англичане как «народная личность» на арене мировой истории.

---

<sup>2</sup> О личностях-камертонах в контексте персоналистической гносеологии см.: Соболев А. В. О персоналистической гносеологии (или о сближении познания и художества в русской мысли XX века) // Вопр. философии. 1998. № 4.

Что же мы, гуманитарии, в свете всего сказанного можем сделать? Много, очень многое. Но только при одном условии, если общество наше будет находиться в состоянии диалога и дискуссий, если его энергию политики не будут растрачивать на очередные авантюры и если им вообще удастся удержаться от войны.

Возьмем любой, на первый взгляд далекий от наших российских проблем исторический курс, к примеру историю английского языка или историю Англии, требующий специфического изучения иностранного материала. Именно наша собственная российская научная мысль позволяет так построить курс, чтобы студент, среди всего прочего, понимал всю изменчивость ценностных установок, брэнность многих цивилизационных достижений, вместе с тем и значимость коллективного этнического творчества и его суть. Лингвистам, историкам и культурологам, изучающим состояние языка и культурные тексты в различные периоды этногенеза, ничто не мешает сегодня рассказать студентам о глубинных закономерностях, приводящих к возникновению «народных личностей» на арене мировой истории и к их исчезновению. Этнокультурный контекст позволяет правильно подобрать текстовые материалы для реконструкции этих процессов и выявить те личности, которые были воплощенными символами своей эпохи, носителями образа своей культуры, чьи поведенческие модели раскрывали суть эпохи и созидали ее. Но чужое этническое творчество может послужить стимулом к осознанию своего облика и укрепить желание созидать свое, только если мы *привили понимание необходимости такого выбора*. История англичан и их языка, как, впрочем, и других иностранных языков и культур, дает нам богатый цивилизационный опыт для изучения и извлечения уроков в плане постижения сущностных процессов в этногенезе и их проявления в языке. Благо и памятников сохранилось много, много и осмысляющих европейскую и американскую историю работ, относящихся к самым разным ценностно (мировоззренчески) отличным друг от друга направлениям мысли. Безусловно, это большая творческая работа (и для преподавателя и для студента) с текстами иноязычной культуры.

Советским людям, прошедшим через многолетние лишения и бедствия, трудно дается искусство диалога. Наверное, обучение аргументативному дискурсу, а не манипуляциям в угоду «политкорректности» по типу двойных стандартов (в смысле *doublethink – doublespeak*), это также поле нашего востребованного временем творчества. Ведь налаживать дискуссионный режим выработки решений очень непросто. Для этого нужно объединять свои усилия, нужна в терминах Л. Н. Гумилева, *комплиментарность*. И нужно время и терпение. Быстро, одними административными приказами, цифровыми планами и лихорадочными реформами кадры не вырастишь, качество не повысишь, тем более после столь мощных манипуляций «невидимой руки рынка».

Реформаторы много говорили о *конкурентоспособности* нашей системы образования. Концепт конкуренции сводится в массовом понимании к примитивной биологической драке за «бабки», именно в таком виде он насаждается через СМИ. Освоить этот концепт и направить в конструктивное гуманитарное русло можно, видимо, только через его перевод в мировоззренческую плоскость. Вдумаемся, *сущностно-мировоззренческий интерес* – это государственный интерес в системе образования. «Невидимой руке» рынка в гуманитарной сфере внутри страны не место. Неконтролируемые «свободные и демократические» манипуляции за счет иностранных денег тем более не смогут обеспечить наши сущностные гуманитарные потребности. Ведь интересы разных государств совпадают далеко не всегда. Да и «языковая личность, языковое сознание» в современной лингвистике совсем не безобидные понятия для субъектов рынка (грантодателей). Вообще-то, «невидимая рука рынка хороша, когда мы понимаем, что это **только одна из доступных нам тактик!** Доминирующее же на Западе чисто прикладническое направление, к которому нас подталкивает та же самая «невидимая рука», ставшая у нас стратегической самоцелью, в наших условиях приведет даже не к относительно безобидной однобокости, а к усилению духовного оскудения. А оно итак достигло невиданных размеров. Наверное, правы те, кто считает, что и в нашей экономике в целом, уж не говоря о гуманитарной сфере нашей жизни, нельзя утвердить экономический детерминизм в виде прибыльности ради нее самой и роскоши. Поддержать такие неумные материальные потребности и ориентиры совсем нечем. У нас нет даже инерционного потенциала западных цивилизаций, уж не говоря об их способах добывания ресурсов. А раз так, то ошибкой было бы намерение идти от чистого экономизма. Нужно сначала *поставить цель перед своей системой образования, определить ее функцию*, а потом заняться поиском средств. В случае их нехватки подумать, где найти недостающие средства и как выстроить приоритеты в условиях вынужденной экономии. Если же цель подменяется средствами, то

этот экономизм (читай – «воровство», при определенных мировоззренческих установках) кризиса в России не решит, а просто усугубит его до полного распада суперэтнической системы. Нам надо бороться не против, к чему побуждает примитивно освоенный концепт конкуренции, а за, за все жизнеутверждающее в нашей системе. Кадрового десанта с Луны не предвидится, надо учесть эти реальности. Более того, отток кадров, видимо, еще будет продолжаться.

По так называемым чисто «рыночным» мотивам мы конкурентоспособны естественным образом в области преподавания русского языка как иностранного. Здесь мы также выполняем мировоззренческую функцию. Но в прикладном плане это наше законное и монопольное, хотя и относительно плохо возделанное в Сибири на сегодняшний день поле. Возможно еще обучение иностранным европейским языкам азиатов из некоторых стран, немного аспирантура соответствующего профиля. Но аспирантура не может быть прибыльным делом, как и все образование по уже изложенным выше причинам. *Коммерческая прибыль и существенные задачи системы гуманитарного образования – понятия несовместимые вне дегенеративных процессов.*

Надо понять, что для сегодняшнего рядового российского преподавателя-лингвиста призыв к конкуренции может звучать как издевательство. Нужно на 3–4 работах добывать себе на пропитание («конкурируя» при этом с самим собой в разных институтах и университетах), поездка за границу – непростительная роскошь (внутри страны дороже, чем за ее рубежами, и чем дальше от столицы, тем больше проблем). Неимоверными усилиями удастся при этом создавать хоть какую-то языковую среду. Преподаватель высшей школы сегодня своим трудом поддерживает различные «рыночные» структуры не от хорошей жизни, это никак не способствует творчеству. Поэтому нам сейчас надо думать о поддержании энергии, активного начала в этнической системе, о максимально возможной солидарности гуманитариев и ответственности за свое дело. В догматизированном ореоле прошлого, под колпаком Советского Союза мы как-то стали забывать, что живем в мире жестких отношений, в агрессивной внешней среде. Ведь до чего дело доходит, некоторые наши политологи всерьез размышляют, кому отдать Сибирь: китайцам, иранцам или, может, американцам, уж они-то, родимые, нас накормят, обустроят и защитят! Где, по каким учебникам, стандартам и «технологиям» научились они этому? Трусость не спасает ни саму трусливую особь, ни тем более сообщество, в котором трусливые стереотипы воспринимаются с терпимостью («толерантностью»). Это уже не уход от «цунами на гору», а исход в пучину. Таково реальное качество нашего сегодняшнего мировоззренческого «продукта». Такое состояние умов говорит о том, что угроза распада этнической системы до индивидов может стать вполне реальной, а это означало бы в числе прочего утрату родной территории, слишком дорогая плата за чрезмерную либеральность «демократических» реформ, основанных во многом на импорте чужих концептов. Благородную задачу восстановления генофонда и культурного фонда в стране нельзя решить, сдавая один за одним все свои «рынки» (на очереди «рынок образовательных услуг») внутри собственной страны в угоду концепту «конкуренции» и превращая собственных сограждан в изгоев, лишенных права на труд.

Но вот где либеральная (в лучшем смысле этого слова) среда должна быть создана и сохранена, так это в содержании образовательной деятельности, в самих наших университетских сообществах, не погрязших в «образовательской» пучине. Ведь в постсоветских условиях всегда есть опасность единообразия с последующим блокированием всяческого творчества. Поэтому мировоззренческая работа не может быть сведена к переводу системы жестко оформленных фактических данных в головы обучающихся и их учителей. Это модель догмата. *Подлинно мировоззренческая работа в противовес этому заключается в ряде жизнеутверждающих мотивационных установок, активизирующих творческую энергию человека и пронизывающих весь процесс обучения.* И здесь опять поможет выстрадавшая в своей этнической стихии идея, подсказывающая нам сегодняшним, где искать силу для нового творчества, без которого нет для нас новой жизни. Эту идею Н. С. Трубецкой выразил в двух афоризмах «**познай самого себя**» и «**будь самим собой**». «Жизненное правило “познай самого себя”, давая всякому человеку одну и ту же, но по существу каждому разную задачу, именно вследствие этого своего синтеза между относительным, субъективным и абсолютным, всеобщим наиболее приспособлено к тому, чтобы стать принципом вневременным и внепространственным, одинаково приемлемым для всех людей без различия национальностей и исторических эпох. Этот принцип остается в силе и по сие время, притом для всех народов» [Трубецкой, 1991а. С. 79].

Принцип этот, действительно, *не подавляя этничность, а опираясь на нее, утверждает свободу как для индивидуального личного творчества, так и для творчества самобытной личности народной*. Разве может это сравниться с безликой «глобализацией» по-американски?! Поживем еще в том светлом образе, который создает для нас Н. С. Трубецкой, прислушаемся к его голосу. «Только постигнув свою природу, свою сущность, с совершенной ясностью и полнотой, человек способен оставаться самобытным, ни минуты не вступая в противоречие с самим собой, не обманывая ни себя, ни других. И только в этом установлении гармонии и целостности личности на основании ясного и полного знания природы этой личности и состоит высшее достижимое на земле счастье. Вместе с тем в этом состоит и суть нравственности, ибо при истинном самопознании прежде всего с необычной ясностью познается голос совести, и человек, живущий так, чтобы никогда не вступать в противоречие с самим собой и всегда быть перед собой искренним, непременно будет нравственен. В этом есть и высшая достижимая для данного человека духовная красота, ибо самообман и внутреннее противоречие, неизбежные при отсутствии истинного самопознания, всегда делают человека духовно безобразным» [Трубецкой, 1991а. С. 79]. Где здесь место манипуляциям и всякого рода порокам, культивируемым под видом рынка всяческих услуг? *Установка на самопознание, которую нам дает Н. С. Трубецкой, самодостаточна для творчества в отличие от успеха, благополучия, карьерного роста и прочих сопутствующих понятий, которые могут никак не пересекаться с ключевым для нашей культуры концептом совести*. В этой связи необходимо заметить, что нравственность – это также вопрос жизнеспособности этнической системы. Если не утрачена память о нравственности, то и культура во всех ее формах будет востребована. В противном случае она осмысливается потомками тех, кто ее создавал, как нечто сугубо материальное или как материализованный «продукт», имеющий не ценность, а цену, предмет торга и наживы. В самых тяжелых случаях культурное наследие (включая и самые совершенные технические достижения эпохи) просто остается без всякого внимания со стороны утративших чувство собственного достоинства наследников и история знает немало тому примеров. Евразийцы не были одиноки в осмыслении культуры как деятельности. Двадцатый век явил миру различные философско- и психолого-антропологические подходы к культуре как специфической деятельности, нацеленной не только на создание материальных продуктов, но и в большей степени на создание духовных ценностей. Именно эта духовная сторона культуры (при обилии различных материальных продуктов) нуждается сегодня в особом внимании и заботе. Нельзя подходить к идеальным сущностям с теми же мерками, с которыми мы подходим к материальным. Для последних, собственно, и создавался капиталистический рынок. Первые же могут сами создавать барьеры для торгового и экономического влияния сильных мира сего, поэтому (и уж не только поэтому) с чисто экономическими соображениями да еще «глобального» характера в этой сфере успеха добиться невозможно. Частные и корпоративные экономические интересы всегда будут в определенном смысле противоречить гуманитарным интересам всей этнической системы. Это простая истина! Некоторые выставленные в интернете «экономически обоснованные» предложения по дальнейшему реформированию системы образования заставляют вспомнить о ней, поскольку способны привести в случае их реализации к вытеснению россиян со своего собственного гуманитарного «рынка».

Практиковать мировоззренческую работу в нашей отреформированной системе будет очень не просто. Помогли бы и «островки для вольных экспериментов» и выработки различных моделей на будущее там, где есть дееспособный творческий административный ресурс в союзе с профессионалами-гуманитариями при поддержке академической науки. Хорошо бы, если бы власть способствовала появлению таких «островков». Очень хотелось бы, чтобы реформаторская энергия была направлена сегодня в создание *финансовых механизмов доступности образования, подлинно равных возможностей в получении образования для разных категорий населения, а также в снижение эксплуатации труда преподавателей* (это очень важно!) и высвобождение времени для творчества. Там, где возможность получения образования ставится в зависимость от толщины кошелька, система сама себе перекрывает свежий воздух, блокируя приток молодой, активной творческой силы. Ведь способность к познанию и творчеству не приобретается «по весу» кошелька. За иных сколько ни плати, а учение не впрок. В нынешних условиях подойдет мягкая рекомендательная схема в побуждении усилий людей, лишенная авторитарно-директивных методов и слишком жестких рамок требований, способная дать понятные, простые и не очень затратные для «конкурирующих» средства и условия поощрения творчества на местах. Но чужой стандарт не может быть для нас эталоном в этой работе! А жесткие рамки рулевой политики неизбежно приве-

дут к шаблонизации и быстрому вырождению сущностно-содержательной основы, возможно, еще до начала ее воплощения в жизнь. Опыт формализации и выполнения директив и требований в цифровых отчетах, с которыми не поспоришь, у нас большой. Есть и еще одна опасность в нынешних условиях, опасность вытеснения наиболее активной, талантливой части профессионалов, способной работать на развитие. «Живое иррационально. Слишком жесткая система теряет пластичность и при столкновениях с внешними силами ломается» [Гумилев 1997. С. 376]. Первыми жертвами, как показывает история, становятся во многих случаях именно неудобные для чиновника, творческие личности.

Смешны, но вместе с тем и очень опасны призывы убрать вообще иностранные языки из программ. Вместо того чтобы работать на повышение эффективности, проблему предлагают решить просто – взять и закрыть ее, как будто ее и не было. Вместе с тем какие, где и в каком объеме преподавать языки – это вопросы, которые, вероятно, нужно обсуждать. Хочется надеяться, что прошло время, когда нужно было ломать, пришло время строить. Для этого нам нужно спокойно и ответственно исследовать все, что было и есть, себя, мир, своих и чужих. Как это сделать без иностранных языков? Как укрепить позиции своей страны в мире без знания иностранных языков и понимания специфики культур? Без знания самих себя? Как укрепить связи на всем евразийском пространстве без этих знаний? Отрицать геополитические реальности опасно и бесперспективно.

Дух подражательства по закону замкнутого круга привел к извечному нашему нигилизму. Хотелось бы верить, что прошло время, когда мы с широко раскрытыми от восхищения глазами, воспринимающими все иноземное как истину в конечной инстанции, играли с концептами чужой культуры типа «глобализации», насыщая ими даже наши учебники, не выверив для себя последствий. Впрочем, тем, кто верил во «всемирную революцию», нетрудно заменить этот концепт на «глобализацию», особенно когда и «всемирная паутина», и «технический прогресс», и «глобальное потепление» и даже «антиглобалисты» с националистами всех мастей сбивают с толку. К тому же есть соблазны укрыться за новыми мертвыми схемами «индустриальных, постиндустриальных и информационных» обществ. К счастью, стихия реальной жизни не вписывается в эти схемы и постепенно приходит понимание того, что невозможно отстаивать интересы своей страны, защищая интересы чужой методом отрицания своего, сущностного. Ни к чему кроме как к *национал-шовинизму* в системе в итоге это не приведет. Специалист с ориентированным на Запад или куда-то еще сознанием – выброшенные деньги, рискуем возвратиться в 90-е г. навсегда. Такого рода лингвистическое образование будет *конкурентоспособно в плане экспорта интеллектуального ресурса за границу*, а не перед своим государством, интересы которого оно отстаивать не сможет. Разум подсказывает: не всякий «рынок» заслуживает того, чтобы удостаивать его своим вниманием. Зачем же россиянам торговать политическим концептом «глобализации»? Пусть этим занимаются сами авторы обветшавших идей. Мир всегда был «глобальным» и в нем всегда были процессы глобального характера. Да и может ли быть иначе, ведь мы все живем на одной и той же планете. Изучать эти процессы совершенно необходимо, но с какой целью и установкой мы распоряжаемся полученными результатами в гуманитарной сфере и насколько независима наша оценка – это уже вопрос нравственного выбора.

*Итак, в нынешнем нашем состоянии нельзя утверждать новое мировоззрение от отрицания прошлого, самих себя, отечественной культуры, как это делалось в прошлом веке. Гораздо разумнее использовать инерционность еще не остановившейся системы и с опорой на государственные рычаги мировоззренчески ее организовать, сориентировать на конструктивную творческую работу. Тогда тем, кто придет после нас, будет легче сложить различные позитивные жизнеутверждающие векторы в один единый созидательный порыв.*

Таким образом, для реализации общемировоззренческих установок нужна прежде всего воля. Наверное, где-то потребуется *обозначить функцию системы* для данной отрасли образования и самые общие, но минимально необходимые рекомендации, общий стандарт требований на выходе. Это касается прежде всего содержания образования. Конкурентоспособность же гуманитарного образования определяется, прежде всего тем, насколько эффективно оно выполняет свою задачу – задачу *идентификации самих себя и своей культуры, становления мировоззрения, которое позволит человеку в итоге полноценно жить, работая на свою страну (народ)*. Только осознающий свою самобытность как природную (а значит, жизнеутверждающую, творческую) основу может почувствовать и адекватно воспринять чужое, оценить его по достоинству и *достойно* себя повести с ним. Собственно, в этом и

заключается, если так можно выразиться, *гуманитарная победа всей державы*. А что может помешать выросшим в такой системе политологам перевести философскую идею в простые, понятные различным группам людей (массовые) поведенческие установки через создание лично воплощенных образов? Пусть это будут не во всем совпадающие, маленькие векторы, но их общий результат даст суммарный энергетический прорыв.

Осмысляя опыт прошедших десятилетий, нам думается, необходимо продолжить работу над моделью иноязычного лингвистического образования в современной России вообще и в Сибири в частности.

Итак, мы исходим из того, что *мировоззренческая функция в силу особенностей переживаемого Россией в ее этнической истории момента на всех уровнях жизни сегодня особенно важна (в политике, экономике, идеологии, социальной сфере и т. д.). Вероятно, в рамках одного стандарта могут сосуществовать разные модели (а может, и нескольких специализированных по отраслям стандартов), творческие модели*. Мы не можем и не должны готовить из своих абитуриентов будущих иностранцев, нам нужны россияне по духу. Мы должны при этом качественно (а это очень дорого для сибирских регионов) утолить жажду нашего молодого поколения к познанию мировых проблем, языков, культур и подготовить молодых людей к восприятию иноязычной культуры. *Наша конкурентоспособность при этом осмысляется как обучение специалистов-проводников в инокультурный мир*. И мы кровно здесь заинтересованы в адекватном русском языковом и культурном образовании, взаимодействии с русистами, литераторами, специалистами-гуманитариями в смежных областях. В научном плане эти позиции подкрепляются типологическим подходом, всеми теми дисциплинами, которые научают адекватному пониманию культур, соотношения языка и культуры, языка и познания (самопознания человека и народа). Такая политика в образовании должна быть экономически обеспечена.

Опыт освоения существующих лингвистических стандартов в сфере высшего профобразования показывает, что в целом «Лингвистика и межкультурная коммуникация» – правильно выбранное направление в нашем иноязычном образовании. *С мировоззренческой точки зрения, наш стандарт хорош по многим именно культуросоцентрическим показателям, по самой идее вхождения межкультурной основы, в этом плане многое сделано ведущими российскими вузами и УМО всех уровней*. Однако по нашим наблюдениям в период активных реформ при «массовом» освоении совершенно нового явления в нашей образовательной среде в силу упомянутых выше мировоззренческих проблем, с одной стороны, формируется упрощенное представление о сути этого явления, с другой стороны, проявляется выжидательный подход, ожидание от центра, что там выполнят всю творческую работу и дадут, как было при коммунизме, готовые материалы к использованию по всем фронтам. Возможно, отсюда происходит несоответствие идейных установок разработчиков и реальных действий по их воплощению в жизнь на местах. Можно констатировать, что содержание гуманитарного образования, а в особенности оснащенность его качественными именно в мировоззренческом аспекте материалами, сегодня оставляет желать лучшего. Очень похоже на то, что и здесь нам навредили наши подражательские соблазны и неизбежно сопутствующая им поспешность.

Книжные полки в магазинах просто завалены на первый взгляд разными учебниками и учебными пособиями по гуманитарным дисциплинам. Казалось бы, это хорошо, мы в поиске, мы осваиваем новые горизонты. Однако открываем учебник и вот парадокс – в нем чрезвычайно трудно найти личность автора. Некоторые учебники представляют собой красивые компиляции, за которыми не просматривается системы. В лучшем случае такой учебник превращается в словарь-справочник огромного массива терминов с мало что дающей читателю расшифровкой. Вместе с эклектическим понятийно-категориальным аппаратом заимствуется и характер постановки проблем, сама логика организации информации. Содержание такого скомпилированного из источников, предназначенных в том числе для решения сущностных задач, например, американской экономики и политики учебника или лекционного курса вне американской почвы легко трансформируется в пособие, которое учит наших «специалистов», как уехать из страны и стать гражданином другого государства, в своем желании «оптимально адаптироваться к окружающему миру». Так мы, сами того не желая, уводим обучающихся от понимания реальных закономерностей взаимодействия культур. При этом еще и игнорируется отечественная работа в этой области, на своей почве выработанные практики, глубинные пласты собственной культуры. Почитаешь некоторые такие пособия – и складывается впечатление, что все, к примеру, межкультурные проблемы так прямо вместе с термином и возникли на Западе в 50-е гг. Вместе с тем многочисленные «ак-

культурации», «сепарации» и «транскультурации» во многом затемняют понимание культурных явлений, *включенных в нашу реальную жизнь*. Между тем достаточно прочитать только одну статью Н. С. Трубецкого, например «К украинской проблеме», и мы узнаем об этой проблеме гораздо больше, чем из сводки свежих новостей, чувствуя, что прикоснулись к подлинному. Такова сила уникальной в своей одаренности личности этого человека. Ему удалось, находясь внутри этнической стихии, подняться над ее сеткой координат, чтобы познать ее суть. Это ли не доказательство действенности провозглашенных им принципов! Культурно-философское и научное наследие Н. С. Трубецкого позволяет *организовать мировоззренческую работу так, чтобы не подавить собственный энергетический ресурс системы*. Нельзя не отметить, что в вузовской системе появились и отлично исполненные работы, написанные лингвистами-профессионалами, прекрасно чувствующими свою собственную культуру и понимающими чужую. Откроем учебник С. Г. Тер-Минасовой «Язык и межкультурная коммуникация» (Изд-во МГУ, 2004) – и все в нем есть: и личность автора, и традиция, и новизна, и ясность изложения, и мировоззренческие *установки на познание и полноценное общение*, а не на растворение в чужой культуре, и не нужно продирается сквозь частокol терминологических ярлыков. А сколько интересных находок и новых направлений можно найти в региональных лингвистических школах! Все у наших гуманитариев есть, нам нужно выйти из состояния постперестроечной депрессии и постоянного ожидания новых катастрофических реформ.

Полагаем, что *типологичность* и контрастивный анализ должны быть в основе самого содержания иноязычного образования и всего процесса изучения иностранных языков и культур. Если говорить, например, о германских языках, то их полезно изучать вместе с восточными (что, собственно и делается во многих вузах) и развивать именно это направление, чтобы не было преобладающего сейчас искаженного (однополярного) восприятия западно-европейской и американской культуры, тем более что типологически это все очень хорошо мотивируется и научно обосновывается в рамках сравнительно-сопоставительного, типологического языкознания. Кроме того, в Сибири типологически ориентированное обучение сложилось стихийно, это не случайно, к этому побуждает все наше жизнеустройство.

Улучшить наш стандарт может постепенное *усиление доминанты собственного языка и собственной культуры*. В теоретическом плане важно *осознание собственной лингвистической традиции* (а она во многом типологична) на фоне широкого ознакомления с иными лингвистическими традициями.

*Усиление психолингвистической ориентации* (в доминанте – психология восприятия и организации речевой деятельности в общении с иностранцами) может также улучшить содержательную сторону стандарта. Здесь у нас в России своя мощная школа и завидные прикладные достижения. Полезно было бы со временем предусмотреть психолингвистический практикum, что могло бы усилить содержательную основу творческого осмысления обучающимся межкультурной коммуникации как деятельности. Наверное, для этого потребуются совместные с академической наукой исследовательские разработки.

В особом блоке региональных дисциплин есть потребность усилить акцент на *краеведении*, т. е. изучении *своего региона*, его ландшафтных, экономических, этнокультурных характеристик. Цель – знать свой регион при выполнении работ с иностранцами на его территории и за границей.

Очень важно, чтобы наши задачи были реальными. Наивно полагать, что наши университеты и институты на сибирских просторах подготовят целую армию «свободно» говорящих, скажем, на английском или японском языке специалистов *с компетенцией носителя языка*. Всякий специалист знает, что в условиях, когда человек постоянно проживает вне языковой среды или имеет с ней эпизодические, редкие контакты, навыки эффективного общения утрачиваются естественным образом. Однако сегодня мы сталкиваемся с искусственно созданными препятствиями на этом и без того нелегком пути. Уровень доходов и схемы маршрутов, существенно удорожающие заграничные поездки жителям Сибирских регионов, не позволяют практиковаться за рубежом с желаемым результатом даже специалистам с относительно высоким доходом в системе высшего образования. Это осложняет нам прикладную задачу и делает образование очень дорогим. Но мировоззренческая функция остается всегда, а в средней школе, например, она особенно важна. Межкультурная коммуникация в этих условиях становится важнейшим направлением. Практически любое иноязычное образование подразумевает обучение межкультурной коммуникации. Можно предложить для обсуждения модель подготовки именно *специалиста по межкультурной коммуникации* (переводчика) и аналогично преподавателя. *Наши выпускники – проводники в иноязычную культуру*.

Поэтому содержание иноязычного лингвистического образования необходимо усилить в этом аспекте.

При научном изучении иностранных языков очень важно, отказываясь от поверхностности подражательства, выстраивать творческую познавательную деятельность на основе понимания и перевода в свою понятийно-категориальную систему научного лингвистического опыта иностранных лингвистических школ. А это большая работа, требующая серьезных усилий. Но без нее невозможно удержать свои позиции в мировом лингвистическом пространстве. И здесь на лингвистах, изучающих иностранные языки, лежит большая нагрузка. Много было сделано в этом направлении в ведущих академических институтах и вузах России за последние годы. Однако, к сожалению, многие научные идеи и целые лингвистические школы до сих пор остаются не известными в наших вузах. *Здесь также нужна дополнительная поддержка со стороны академической науки. Наука как деятельность познающего субъекта не имеет границ и национальных квартир.* Однако есть динамические семиотические системы, посредством которых осуществляется эта деятельность и результатом которой они одновременно являются. Есть образование как деятельность по воспроизводству культуры и передаче опыта и знаний. Она также должна быть выстроена в родной, понятной обучающемуся (и учителю) семиотической системе. Это чрезвычайно важно для гуманитарных наук, ибо это науки о культуре. Они насквозь пронизаны культуроцентричной семиотической деятельностью. Подменять свою семиотическую систему чужой в образовательной системе аналогично замене своей крови у младенца на перелитую. При этом жизненной энергии на освоение любого элемента такой псевдосистемы нашему младенцу придется тратить в несколько раз больше и осваивать он будет всякий раз информацию «вчерашнего дня». Поэтому и образы, на которые растущий человек может опереться в самопознании, нужно также искать или создавать в своей родной стихии, а иноземные образы могут их дополнить, но никак не заменить родную основу.

Сегодня стало очевидно, что современная Россия открыла свои границы для того, чтобы их открыть. Здесь также поначалу не было опыта и продуманной политики. Однако что с этим делать теперь? Будем надеяться, что нашим политикам и экономистам достанет трезвого ума эффективно разрешить эту проблему. Открытость для культурного сотрудничества соприкасается с ней, но имеет свои аспекты. Какие? Как нам быть с открытостью? Прислушаемся к голосу историка русской культуры: «В периоды стабильности система культурных ориентиров и ценностей ограждает и защищает человека, придавая ему чувство уверенности и стабильности. Люди знают ответы на все важнейшие вопросы бытия, прежде всего на вопрос: «Что такое человек?». Они знают, где проходит граница между человеком и нечеловеком, как следует охранить себя от контактов с потусторонними силами либо как войти во временный контакт с ними и как выйти из него. Четкие маркированные границы человеческого поведения во всех возможных ситуациях создают защитную «ауру» вокруг человека. Когда же начинается ломка привычной системы ценностей, вызываемая переходом культуры от одной фазы своего развития к другой, то границы эти разрушаются и человек оказывается перед открытыми вопросами, на которые надо заново искать ответы. Перед ним встает проблема выбора ориентиров в открытом культурном пространстве. *Формирование новой системы ценностей идет путем проб и ошибок. Движение к новым решениям пересекает как сферу сознательного, так и подсознательного в человеке, как позитивного, так и негативного* (курсив наш. – И. Ш.)» [Черная, 1999. С. 123–124]. Место пересечения позитива и негатива таким образом в душе каждого из нас, вновь открывшихся миру и себе самим. Поэтому нельзя судить друг друга «наотмашь»<sup>3</sup> и опасно не слушать друг друга. Да и открытости бояться нам не нужно ни перед друг другом, ни перед другими культурами. Ею надо воспользоваться для того, чтобы лучше познать мир и свои возможности в нем. Впитать чужой, ставший доступным нам в наблюдении опыт и применить его для своих нужд, предварительно пропустив через сито своих ценностей. Сделать это так, чтобы дети наши остались в России или работали бы на Россию за ее рубежами (а это можно делать *только на мироззренческой основе*). Из открытости нужно вынести и горький опыт других стран, прошедших через *вестернизацию* своих культур и через *отчуждение собственного языка и культуры*; в результате – тяжелейшие этнические кризисы и гибель целых этносов, искорененное мироззрение и этнические конфликты.

<sup>3</sup> В смысле «Ведьму наотмашь бьют» (См.: Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Изд-во «Тerra», 1994. Т. 2: И–О. С. 446).

В зарубежной науке и общественной практике исследования мировоззренческих вопросов, связанных с вестернизацией (в терминах евразийцев, европейским и американским *этноцентризмом*), выполнены в присущем отдельным традициям стиле, но они существуют и посвящены проблемам, с которыми сталкиваются носители разных культур во всех частях света, где народы в разные века подверглись давлению сначала интересов западноевропейских цивилизаций, а теперь и американского «этноцентризма»\*, от которого страдает и современная «глобализованная» Европа. *Мировоззренческие кризисы*, связанные с неспособностью этнической системы эффективно противостоять чуждому культурному влиянию, разрушающему органично сложившиеся естественные стереотипы поведения и социальные структуры, сказываются не только на этих народах, но и на этнических сообществах самих носителей различных вариантов английского языка. Это влечет за собой не только попытки защитить себя от инокультурного «разъедающего» влияния, но и вызывает агрессивную оппозицию, нашедшую свое выражение в так называемом «собственническом» отношении к английскому языку и всему английскому (об этом и о многих других смежных проблемах и формате их обсуждений внутри англоязычных сообществ, см., например: *The State of the Language*, а также статью Л. С. Жуковой в данном сборнике).

Вообще-то, вопрос о состоянии дел в гуманитарной сфере в современных англоязычных странах представляет интерес для исследователя, но в идеологической броне «общемировой, глобальной» ценности подлинные процессы, стоящие за этой риторикой, останутся нам недоступны. Невозможно более не замечать гуманитарной идеологической войны на постсоветском пространстве. *Полагаем, что иноязычное лингвистическое образование здесь на переднем фронте. Оно же и первая мишень.* Наше нежелание видеть это и противостоять этому во многом навеяно политическими манипулятивными играми вокруг концепта «глобализации». Любопытно, что еще в 1980-е гг. был осуществлен крупный проект BBC (*The Story of English*), который имел книжную и киноверсии и был предназначен для массового зрителя, равнодушного к судьбе родного для многих английского языка в различных колониальных странах. Данный и многие другие исследовательские проекты независимо от тех целей, которые ставили перед собой их авторы, по факту его исполнения достаточно красноречиво свидетельствуют о том, о чем писал и Н. С. Трубецкой (1990а): Вавилонскую башню единоликкой для всего света культуры строить совершенно бессмысленно. Если повнимательнее присмотреться к культурным последствиям такого рода строительства в разных странах, то *можно увидеть картину того, что станет с Россией, если мы откроем ее иностранному гуманитарному воздействию в полной мере.* Ведь для многих наших соотечественников, очарованных «красотой» потребления на Западе, это далеко не очевидно. Между тем огромный опыт *зомбирования людей* с помощью политехнологий, уничтожения фундаментальных ценностей западной культуры, *духовный геноцид* и деградация культуры (вспомним, этнокультурная традиция регулирует энергетический обмен с внешней средой) – это реальность, которая заботит исследователей в различных уголках света. Осмысление этих явлений в силу специфики нашей пореформенной жизни также становится одной из *исследовательских гуманитарных задач.* Кстати, не плохо бы позаимствовать замечательную западную идею и создать фильмы и книги (своего рода живую энциклопедию) о русском языке и его творцах во всем евразийском мире. Но, видимо, пока мы будем пассивны, мыльные оперы и криминальные сериалы нашим телевизионщикам будут интереснее.

Возвращаясь к концепту общечеловеческой культуры, заметим, что с точки зрения динамики этнических систем существенное уточнение в евразийское мировидение внес Л. Н. Гумилев. Он писал: «Общечеловеческая культура, одинаковая для всех народов, невозможна, поскольку все этносы имеют разный вмещающий ландшафт и различное прошлое, формирующее настоящее как во времени, так и в пространстве. Культура каждого этноса своеобразна, и именно эта мозаичность человечества как вида придает ему пластичность, благодаря которой вид *Homo sapiens* выжил на планете Земля. Итак, этническая пестрота – это оптимальная форма существования человечества, хотя политическое объединение различных этносов обладает определенной устойчивостью во времени» [Гумилев, 2003. С. 40]. Однако такая относительная «устойчивость» вряд ли может быть аргументом для поспешного перекаривания своей системы образования под каждый новый политический альянс. Таким образом, в мировоззренческой работе нам придется заново научиться себя ценить

---

\* Этот концепт в ярких прототипических чертах был описан М. Твенном на текстовом уровне в автобиографической заметке от 1906 г. «Мы – англосаксы».

то наследство многообразных этнокультурных связей, которое мы получили от своей природы и предков.

Собственная научно-философская мысль учит нас, что *необходимо добиться такого преподавания и обучения, когда ценности иной культуры усваиваются через сито ценностей собственной культуры, самых ее глубинных пластов. Это означало бы освободить чужую культуру от этноцентризма, там, где он есть, пропустить ее через свои ценности и при этом самим не впасть в собственный этноцентризм. Это и есть наша мировоззренческая задача. Здесь должен быть явлен и осознан государственный интерес.* Наши мотивационные установки должны соответствовать тем задачам, которые стоят сегодня перед страной. Пока доминируют условия, создающие бегство от подлинности, от сущностной, насыщенной подлинным познавательным смыслом работы, государственный интерес не будет осуществлен, а значит, и личность не получит государственной защиты своих интересов. Нужно понять, каковы наши природные, естественные, глубинные интересы, а затем уже спокойно, без истерики, невзирая на всю сложность ситуации, продолжить действовать по их обеспечению без взаимных драк и войн с псевдотеориями и прочих отвлекающих от сущностных дел фантомов, поучившись у тех же евразийцев *извлекать рациональное зерно из всего информационного потока.*

*Мировоззренческая основа – это поле для нашего творчества, ее нельзя ниоткуда скопировать. Мировоззренческую основу можно постичь, но нельзя усвоить как совокупность фактов. А постичь можно только через творчество, творческое отношение к жизни в широком смысле этого слова. Мы обязаны способствовать пробуждению духовного творчества (в противовес подражательству), постижению сути бытия и природы вещей.*

Именно на мировоззренческой основе можно достичь объединения творческих усилий гуманитарной общественности. Это то общее поле, в котором работают все наши гуманитарии. Мировоззренческие задачи можно и нужно решать в разном формате и силами педагогических сообществ, и лингвистов, и академических работников. *Нужно объединяться и искать взаимодополнительности.* Объединение на мировоззренческой основе усилий академической гуманитарной науки и вузовской работы могло бы создать соответствующую гуманитарную среду в том числе и в СМИ. Полагаем, что эта активность нашей позиции помогла бы властным структурам осознать, что гуманитарное образование и наука не задний двор, не довесок или что-то из той же серии. Сегодня это передний край.

В литературе последних лет стала актуальной тема «последнего шанса». Главным нашим шансом на спасение как этноса, вероятно, будет наша *воля к культуре. Ведь культура – это семиотика жизни.* Природа такого семиотического процесса творческая по своей сути. Во всяком случае мы можем замедлить деградацию культуры, если поставим себе такую цель. Тогда в лихие времена инерция нашей культурной традиции спасет нас, как спасла она в свое время Англию и многие, многие другие этносы в переломные моменты их существования. *Главная наша мировоззренческая задача, таким образом, заключается в побуждении к творческой деятельности по созиданию культуры, по ее постижению, сохранению, и воспроизводству.* Сделать это можно, не подавляя этничность, как это принято в западной и американской политической культуре, а опираясь на нее. А этому нас учит наша собственная философская и лингвокультурологическая мысль. Евразийские идеи созидают культуроцентричное позитивное мировоззрение, основанное на творческом самопознании и самораскрытии личности, на познании личностью себя в природной стихии своего этноса, на самопознании этноса как личности народной (коллективной) и раскрытии им творческого начала через контакты с иными народными личностями. *Истинные духовные ценности, где бы они ни вырабатывались, всегда имеют самобытную природу, они вскормлены духом своей природной стихии, отражают преемственность своей культуры и потому наилучшим образом помогают человеку органично взойти к вершине творческого постижения мира и себя в нем. Кому как не гуманитарно создавать образ своей культуры у представителей молодого поколения, создавать мировоззренческие установки на культуру, насыщать познавательный процесс общей тональностью творческой мысли.* Вероятно, обществом уже ощущается внутренняя потребность к такого рода работе, а кто-то и в СМИ, и в школах, и в университетах ее всегда выполнял и выполняет, потому что иначе просто не может (так и работает наша традиция).

### Вместо эпилога

Все, что мы хотим – счастье, свобода, благополучие, – все это и многое другое уже находится внутри нас. Ошибочно связывать это с современной Европой, Америкой или какой-либо другой народной личностью. Свобода всегда была внутри человека, а те, кто не умеет обрести ее внутри себя, обыкновенно ищут ее вовне, но получают рабство. Демократия не создается механикой закона. Наоборот, установившаяся механика закона есть следствие вскормленного трудом старших поколений *духа демократии*. И сколько ни «производи» юристов, а законность и порядок не установятся, пока не сотворим питающий их дух. Свобода и демократия обретаются в творчестве самобытной личности народной. *Всякие попытки «импорта» этих или каких-либо иных ценностных категорий сродни обретению молодости посредством пластической операции.*

«Свобода от» нужна разрушителю. «Свобода от» всегда направляет вектор силы назад. Такая свобода была у сказочного колобка: «Я от дедушки ушел, я от бабушки ушел...». А результат как у В. Высоцкого «Сколь веревочка ни вейся – все равно совьешься в плеть!» «Свобода для» нужна созидателю. Ее вектор силы органично движет наши устремления в будущее, не лишая нас радости бытия сегодня. Сегодня в нашей власти творчески распорядиться духовным наследием наших предков и *перевести его в деятельность*. Мы уже достигли немалых успехов в изучении концептов и образов. Почему же не создать новые концепты и образы для наших детей и вместе с ними, **смещая акценты на адекватные здоровому существованию этнической системы поведенческие модели, которые помогают самоорганизоваться.** Девяностые годы погрузили нас в хаос, тем желаннее будет обретение почвы под ногами. В конце концов, и сам Господь Бог начинал с отделения тверди от хляби.

Р. С. Автор данной статьи как непосредственный участник образовательного процесса ни в коей мере не снимает с себя ответственности за все те негативные тенденции, о которых здесь идет речь. Признавая свое право на ошибки, невозможность располагать всей полной информацией и невозможность быть беспристрастным и безупречным сторонним наблюдателем, автор надеется, что коллеги внесут свои поправки и коррективы, ведь только в диалоге друг с другом мы сможем найти оптимальные решения и *реализовать свое право на свободу творчества в нашей сфере.*

The article analyzes some negative tendencies in modern Russian educational system, which is mostly concerned with linguistic education. It draws attention to certain essential Eurasian ideas as a possible basis for a new philosophy in philological education.

### Список литературы

- Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. М.: Мысль, 1993.
- Гумилев Л. Н. Конец и вновь начало. М.: ДИ ДИК, 1997.
- Гумилев Л. Н. Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации. СПб: СЗКЭО: ООО «Изд. дом “Кристалл”», 2003.
- Нерозник В. П. Слово о Н. С. Трубецком (к 100-летию со дня рождения) // Изв. АН СССР. Серия лит. и яз. 1990. № 2. С. 148–152.
- Соболев А. В. О евразийстве как культуроцентричном мировоззрении // Россия – XXI век. 2000. № 1. С. 70–91.
- Соболев А. В. Князь Н. С. Трубецкой и евразийство // Лит. учеба. М., 1991. № 6. С. 121–130.
- Степанов Ю. С. Константы: Слов. рус. культуры: 2-е изд., испр. и доп. М.: Акад. проект, 2001.
- Трубецкой Н. С. Вавилонская башня и смешение языков // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1990а. № 2. С. 152–160.
- Трубецкой Н. С. О туранском элементе в русской культуре // Вестн. Моск. гос. ун-та. Сер. 9, Филология. 1990б. № 6. С. 60–80.
- Трубецкой Н. С. К украинской проблеме // Там же. 1990в. № 4. С. 64–79.
- Трубецкой Н. С. Об истинном и ложном национализме // Там же. 1991а. № 1. С. 77–87.
- Трубецкой Н. С. Верхи и низы русской культуры (этническая основа русской культуры) // Там же. 1991б. № 1. С. 87–99.
- Трубецкой Н. С. Европа и человечество // Там же. 1992. № 1. С. 66–88. № 2. С. 71–90.

*Черная Л. А.* Русская культура переходного периода от Средневековья к Новому времени. М.: Яз. рус. культуры, 1999.

*McCrum, Cran W., MacNeil R.* The Story of English. L.; Boston: BBC Publications, 1986.

*The State of the Language* / Ed. Christopher Ricks and Leonard Michaels. Univ. of California Press, 1990. 531 p.

*Woolf V. Vernon, Rector Kirk.* Quick Start. Personal Potentializer Planner. В русском переводе «Быстрый старт: руководство потенциализации личности» см. [www.nlpcenter.spb.ru/t/holodynamics\\_book.htm](http://www.nlpcenter.spb.ru/t/holodynamics_book.htm) и [www.holodynamics.com/about\\_us.asp](http://www.holodynamics.com/about_us.asp).